

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ С С С Р

А. И. КОЗАЧЕНКО

К ИСТОРИИ ВЕЛИКОРУССКОГО СВАДЕБНОГО ОБРЯДА

История великорусского свадебного обряда не разработана; до сих пор в литературе встречаются только отдельные описания в сводных работах по истории России, в исторических или историко-этнографических обзорах, освещающих быт и нравы русского народа¹. При этом надо отметить, что исследователи уделяли чрезмерно много внимания свидетельствам современников-иностранцев (Герберштейна, Дженкинсона, Флетчера, Олеария, Коллинса и др.) и часто доверяли им больше, чем русским источникам.

Может быть это объяснялось и тем, что многие русские источники до сих пор недостаточно изучены. Например, М. О. Косвен в недавно опубликованной в журнале «Советская этнография» интересной работе отмечает, что, кроме иностранных авторов, до XVIII в. известны только два описания русской свадьбы — в «Домострое» и у Котошихина. «Если не считать «Домостроя», — пишет автор, — то книга Котошихина представляет собой первое сочинение о русском быте, правда, лишь высшего сословия, содержащее, в частности, первое, опять-таки после «Домостроя», описание русским автором (существуют более ранние описания иностранцев) русской свадьбы»².

Между тем мы располагаем не вызывающими никакого сомнения русскими описаниями свадебного обряда, народного в своей основе, записанными еще до «Домостроя». Изучение этих описаний позволит нам приблизиться к истокам складывания и развития великорусского свадебного обряда, связав этот вопрос с историей формирования культурной общности русского народа.

* * *

Раньше чем перейти непосредственно к рассматриваемому нами предмету, попытаемся представить себе хотя бы вкратце прошлое свадебной обрядности у восточных славян по имеющимся в нашем распоряжении данным.

Акад. Н. С. Державин, касаясь свадебного обряда у древних славян, определял его как «брачные обычаи, т. е. брак, оформленный и санкцио-

¹ См., например, С. М. Соловьев, История России, кн. I, СПб., б/г; А. Терещенко, Быт русского народа, ч. II, СПб., 1848; Н. Костомаров, Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях, Собр. соч., кн. VIII, СПб., 1906; И. Сахаров, Сказания русского народа о семейной жизни своих предков, ч. II, кн. 6, СПб., 1849, и др.

² М. О. Косвен, Материалы к истории русской этнографии XVII в., «Сов. этнография», 1955, № 1, стр. 147.

нированный известной народной традиционной обрядностью»³. В дореволюционной литературе дискутировался вопрос о происхождении русского и украинского свадебных обрядов. У таких авторов, как Н. Ф. Сумцов, Ф. К. Волков, Д. К. Зеленин, столкнулись две точки зрения: в то время как Волков и Сумцов тенденциозно утверждали, что украинский и великорусский свадебные обряды имеют разное происхождение⁴. Зеленин склонялся к признанию общности их происхождения.

Исследования советских историков о языке, культуре и быте древнерусского народа, изучение отдельных вопросов образования из общего корня и развития трех восточнославянских народов позволяют отвергнуть концепцию некоторых дореволюционных этнографов о раздельном происхождении этих народов и их обрядов, в частности свадебных. К сожалению, надо признать, что пока советские авторы только бегло затрагивали вопрос о свадебных обрядах, о браке у восточных славян (Б. Д. Греков, Н. С. Державин, П. Н. Третьяков, авторы трудов «История культуры древней Руси», «Очерки истории СССР IX—XIII вв.» и др.). А между тем разработка истории великорусского свадебного обряда затрагивает ряд вопросов материальной и духовной культуры русского народа, его семейного быта и вообще много дает для изучения проблемы складывания великорусской народности.

У нас мало данных о брачном обряде у восточных славян. Сведения древнерусской летописи относятся к периоду разложения первобытно-общинного строя; у восточных славян этот процесс проходил особенно интенсивно с VI—VII вв. н. э.

Марксистская историческая наука установила, что в период разложения первобытно-общинного строя у славян существовала патриархальная семья. Этой семье свойственна полигамия, и если большинство людей тогда жило в единобрачии, то это объяснялось наличием имущественной и развивавшейся социальной дифференциации. Патриархальная семья была переходной к моногамной.

Христианство, став господствующей религией, стремится установить обязательность церковного брака. Только с конца X — начала XI в., и то прежде всего в быту класса феодалов, эта форма брака на Руси постепенно становится обязательной. Древнерусский летописец с позиций сторонника церковного брака сообщал о брачных обрядах восточных славян. Выделив особо полян, у которых, очевидно, христианство достигло больших успехов, отметил, что они «брачный обычай имяху», летопись вынуждена была признать, что этот обычай сводится к договоренности с родственниками, которым жених уплачивает за невесту выкуп — вено, «заутра приношаху по ней что вдадуче». Вено же было связано с патриархальным браком.

Что касается остальных «словенск язык в Руси», то у них летопись вообще не признает наличия брака, считая, что все они «живуще скотски». Однако сообщения летописи все же говорят о наличии общих брачных обычаев — и у древлян, которые «умыкиваху у воды девиця», и у радимичей, вятичей и северян, которые тоже знают умыкание по предварительному сговору между брачущимися, причем умыканию предшествуют игрища, пляски и «вся бесовская песни»⁵. Летописец при этом подчеркивает, что радимичи, вятичи и северяне «имяху же по две и по три жены». «Си же творяху обычая кривичи и прочие погании, не ведуще закона божия, но творяще сами себе закон»⁶.

³ Н. С. Державин, *Славяне в древности*, М., 1945, стр. 128.

⁴ См., например, Ф. К. Волков, *Украинский народ в его прошлом и настоящем*, т. 2, Пг., 1916, стр. 638; Н. Ф. Сумцов, *О свадебных обрядах, преимущественно русских*, Харьков, 1881, и др.

⁵ *Повесть временных лет*, т. I, М.—Л., 1950, стр. 14—15.

⁶ Там же.

Похищения, как и выкуп за невесту, могли иметь место только между разными родами.

Обычай вена — выкупа, как и многоженство, еще долго сохранялся и в древней Руси. Так, летопись приводит примеры с князем Владимиром I, который дал грекам в качестве вена г. Корсунь «царицы деля», и с выдачей сестры Ярослава I замуж за Казимира, который заплатил за нее вено «людие 800». Известно многоженство Владимира I. О том, что многоженство долго существовало и с официальным введением на Руси христианства, говорят, например, «Правила митрополита Иоанна» (вторая половина XI в.). Иоанн упрекает простой народ («простых и невежд») в том, что они обходятся без церковного брака, продолжая сохранять обычай умыкания — «без церкви Божией, без благословения творят свадьбу, так называемую тайное поимание». Там же митрополит Иоанн пишет и о многоженстве, и о том, что «простые люди» вместо венчания в церкви придерживаются брачного обряда «плескания водою»⁷.

Все сказанное говорит о том, как медленно в древней Руси внедрялся в быт народной массы церковный брак, как долго сохранялись основы полигамного свадебного обряда.

Однако в процессе социально-экономического развития в древней Руси укреплялся и моногамный брак, основанный на господстве в семье мужа-собственника и на частновладельческом хозяйстве семьи. В таких условиях должен был складываться новый свадебный обряд, в который венчание начинало входить только как один из его составных элементов.

Феодальный класс, по вполне понятным причинам, скоро признал обязательным церковный брак, продолжая в то же время соблюдать и народный свадебный обряд. Однако, по свидетельствам церковных деятелей не только древней Руси, но и последующего времени, восточнославянские народные массы продолжали игнорировать церковное венчание.

Вместе с тем это не значит, что в новых условиях XI—XIII вв. в семейном быту древнерусского народа продолжала полностью сохраняться старая свадебная обрядность. Начали исчезать, оставаясь только пережитками, такие особенности старого свадебного обряда, как вено, умыкание, ритуальное значение воды, вождение вокруг дуба или ракиты жениха и невесты и т. п. Вместо этого появлялись новые элементы восточнославянского свадебного обряда.

Нам не много известно об этой древнерусской свадебной обрядности. Однако есть основания полагать, что к середине XIII в. эта обрядность уже сложилась и прочно вошла в быт народных масс Руси. Знаем, что в то время уже существовала терминология, связанная со свадебным обрядом. Таковы термины «жених», «невеста», «сваты», «женитьба», «замужество», «венчание», «свадьба» и др. В древнерусский свадебный обряд входили сватовство и сговор, приданое и подарки, пиры, танцы и песни.

Из сохраненного в летописи ответа Рогнеды на сватовство Владимира («не хочу розути робичича...») ⁸ видно, что разуванье жениха невестой уже в то время входило в свадебный обряд. В середине X в. сватов к Ольге слал древлянский князь Мал. В описании этого сватовства есть указания на свадебный поезд «в объезд»⁹.

Об обычае свадебного выкупа (вена) говорится в Повести временных лет, например, под 1043 г.¹⁰ Слово о полку Игореве дает яркое описание свадебного пира.

⁷ Филарет, Богослужение русской церкви до монгольского времени, «Чтения в Обществе истории и древностей российских», М., 1847, № 7, стр. 25; «Правила митрополита Иоанна», «Русские достопамятности», ч. I, М., 1814. Устав Ярослава специально говорит о тех, «аже две жены кто водить». См. также Н. М. Карамзин, История государства Российского, т. 2, СПб., 1892, стр. 59—60.

⁸ Повесть временных лет, т. I, стр. 54.

⁹ Там же, т. II, М.—Л., 1950, стр. 297—298.

¹⁰ Там же, т. I, стр. 104.

Очень интересно, но, к сожалению, одиноко летописное известие о браке князя Александра Ярославовича (Невского): «Оженися князь Олександр, сын Ярослав, в Новгороде, поя в Полотьске, у Брячслава дочь, и венчался в Торопчи, ту кашу чини, а в Новгороде другую»¹¹. Из этого сообщения можно видеть, что венчание и «каша» были для летописца отдельными элементами свадебного обряда. Если в Торопце кроме венчания была и «каша», то в Новгороде, т. е. у жениха, только «каша». По мнению С. М. Солюзева, «каша» — это брачный пир вообще¹²; нам кажется, учитывая дальнейшее развитие обряда, что «каша» была тогда и свадебным блюдом.

В это время известны уже и сваты как со стороны женихова отца, так и со стороны отца невесты. Летопись сохранила известия о княжеских свадьбах в древней Руси. Таково более пространное сообщение о свадьбе 1187 г. белгородского князя Ростислава Рюриковича и дочери Всеволода III Юрьевича, владимирского князя. В летописи говорится о том, что отец жениха послал в Суздаль за невестой своего шурина с его женою, своих бояр, тоже с женами, что Всеволод дал за невестой много золота и серебра, щедро одарил сватов. Родители невесты плакали по ней — ей было всего 8 лет. С невестой были отправлены к жениху суздальские бояре (с их женами). После богатой свадьбы сват и бояре суздальские, щедро одаренные, вернулись домой. К сожалению, это описание, как и ряд других летописных сообщений, не приводят подробностей самого свадебного обряда¹³.

Сравнительное изучение свадебных обрядов русского, украинского и белорусского народов подтверждает наличие общей древнерусской основы этих обрядов.

Таков ряд обычаев, связанных со сватовством, обручением и свадьбой (выкуп, коровай, свадебный поезд, участие свадебных чинов, выворачивание шубы, проводы невесты, расплетение косы, брачная постель, обрядовая пища и т. п.). Общая основа свадебного обряда трех братских народов могла сложиться в то время, когда все восточные славяне жили общей жизнью.

* * *

Одновременно со складыванием в северо-восточной Руси великорусской народности должен был возникнуть и ряд новых черт в свадебном великорусском обряде, в котором большее отражение получило северо-русское влияние, усилилось значение местных культурно-бытовых особенностей отдельных земель, прежде всего Волжско-Окского междуречья.

Для изучения семейного быта XIV—XV вв. очень интересно было бы использовать в качестве источника былевой эпос, с циклом былин на семейно-бытовые темы (например, былины о Василии Буслаеве, о Хотене Блудовиче, об Иване Гостином сыне и др.), а также бытовые сказки и т. п. Но это — дело специалистов-фольклористов. В древнерусских миниатюрах есть много изображений брачных церковных обрядов, есть и рисунки свадебного пира¹⁴.

В настоящее время у нас нет возможности описать этот обряд с XIV века из-за отсутствия необходимых письменных источников. Все же мы можем, хотя бы начиная с XV в., определить основные черты велико-

¹¹ Полное собрание русских летописей (в дальнейшем цит. ПСРЛ), т. III, СПб., 1841, стр. 52.

¹² С. М. Соловьев, История России, кн. I, стр. 1169.

¹³ ПСРЛ, т. I, СПб., 1841, стр. 170, 180, 184, 193; т. II, СПб., 1843, стр. 9, 19, 39, 87; 92, 94, 121; С. М. Соловьев, История России, кн. I, стр. 677.

¹⁴ А. В. Арциховский, Древнерусская миниатюра как исторический источник, М., 1944, стр. 103, 134.

русского свадебного обряда и установить тенденции его развития в XVI—XVII вв. Источниками нашими в данном случае являются описания княжеских свадеб, а также связанная с этим дипломатическая переписка. Мы прежде всего использовали с этой целью дела дипломатических сношений России с Польшей и Литвой в 1492 г. по материалам, главным образом, посольских книг Польского двора. Подлинность этих документов не вызывает сомнений; они хранятся в ЦГАДА, в Москве, и вместе с дипломатической перепиской Ивана III были опубликованы Г. Ф. Карповым под заглавием «Памятники дипломатических сношений Московского государства с польско-литовским государством» (т. I, 1487—1533 гг.) в Сборнике Русского исторического общества, выдержавшем два издания. До этого описание отъезда великой княжны Елены Ивановны и ее брака было опубликовано Н. И. Новиковым в «Древней Российской Вивлиофике», кн. XIII, а затем свадебные записи издал И. Сахаров в Дополнениях к «Сказаниям русского народа», т. III, кн. 2, 1837.

Насколько нам известно, никто из этнографов специально не останавливался на всех этих материалах по русскому свадебному обряду. Историки, излагая вопрос о выдаче замуж дочери Ивана III княжны Елены Ивановны за литовского великого князя, лишь мимоходом сообщали и некоторые обрядовые подробности¹⁵.

Конечно, дипломатическое назначение и характер документов, которыми мы в данном случае воспользуемся, в значительной мере ограничивают возможность получения сведений о всех могущих интересовать нас деталях обряда. Но все это не снижает значения привлекаемого нами материала. Он сам по себе является первым известным в настоящее время источником, содержащим описание основных элементов великорусского свадебного обряда.

Известно, насколько напряженными были отношения между Россией, с одной стороны, и Польшей и Литвой, с другой, в конце XV в. В 1492 г. со смертью Казимира IV литовским великим князем стал его сын Александр. Среди литовских панов, близких к русским феодалам, возник план улучшения русско-литовских отношений с помощью брака великого князя Александра Казимировича с дочерью Ивана III — Еленой Ивановной. В ходе переговоров о сватовстве и при заключении брака был отмечен ряд деталей, характеризующих великорусский свадебный обряд того времени.

В начале ноября 1492 г. Новгородский воевода получил письмо из Полоцка от наместника Яна Юрьевича: «...порозумей по своем государю..., — предлагал наместник, — была ль бы воля его дати дочку свою за нашего осподаря, великого князя Александра? А мы зде з дядями и братьею нашую хочом в том деле постоять, аби межи государей згода была...»¹⁶.

Вскоре в Москву прибыло литовское посольство, предложившее начать переговоры о сватовстве и заключении мирного договора. Здесь послов хорошо приняли. Они уже на второй день «ели у великого князя», затем послы говорили с князем Ноздреватым и с Берсенем «на пиру пьяни о сватовстве, да о любви и о докончаньи»¹⁷.

¹⁵ С. М. Соловьев, История России, кн. I; К. В. Базилевич, Внешняя политика Русского централизованного государства, вторая половина XV в., М., 1952. О Елене Ивановне см. работы: М. Н. Бережков, Елена Ивановна, великая княгиня литовская и королева польская, «Труды IX Археологического съезда», II, М., 1897, стр. 1—44; Г. Ф. Карпов, Брак Александра Казимировича с Еленой Ивановной, «Московские университетские известия», 1866; Елена Ивановна великая княгиня литовская и королева, «Виленский вестник», 1864, №№ 24—34. В миниатюрах Никоновской летописи есть рисунок венчания литовского великого князя Александра и Елены, см. А. В. Арциховский, Древнерусские миниатюры..., стр. 134.

¹⁶ Сборник Русск. историч. общества, т. 35, СПб., 1892, стр. 71—72. См. также «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2, ч. XIV, М., 1790.

¹⁷ Сборник Русск. историч. общества, т. 35, стр. 78.

Однако в 1492 г. мир не был заключен, а потому и сватовство успеха не имело.

В январе 1494 г. из Литвы в Москву прибыло новое великое посольство для заключения мирного и брачного договоров. На этот раз послы были приняты не только Иваном III, но и великой княгиней Софьей Фоминичной, его женой. В начале февраля, договорившись о «мирном докончании», литовские послы заявили о том, что «за ними посолство... о сватовстве, как им правити посолство. И бояре положили на их воле». Решено было начать сватовство на следующий же день. Явившись к отцу невесты — Ивану III, послы предъявили ему «грамоту верующую» от князя Александра, в которой князь просил «абы еси дал за нас дочку свою...»¹⁸.

Началось с угощения послов у великого князя. На третий день бояре сообщили послам ответ отца невесты, Ивана III: «мы, с Божеею волею, хотим за него дати свою дочку». Послы ответили: «Боже то дай».

Затем бояре поставили вопрос о сохранении Еленой православной веры, о том, чтобы ее не принуждали к переходу в католичество. Послы дали согласие. Тогда бояре предложили послам назначить на следующее утро смотрины и обручение. «А дасть Бог, — говорили бояре, — у нашия государыни завтра будете у великие княгини да тут княжну видите; а как видите княжну, ино завтра же и обручение будет». Послы согласились. «И они так и уложили. Да быв у великого князя, поехали к себе».

На следующий день, 6 февраля, в четверг, послы посетили великую княгиню, где была и княжна-невеста. «И пан Станислав великой княжне Олёне от великого князя Александра правил поклон». Послы при этом вручили невесте подарки. От имени Ивана III послов спросили: «и вы ныне были (у матери и невесты. — А. К.), ино как делу быти?». Послы молвили: «вчера бояре говорили, что ныне обручянью быти; ино бы ныне то дело и было». После этого состоялось обручение. Обряд проходил так.

«И князь велики, сед с великою княгинею, и княжна тут же, да и бояре, и послали по них, да и обручянье тут было, молитвы священники молвили, кресты с чепми и перьстни меняли; и в великого князя Александра место обручал пан Станислав Янович...»; другого посла от участия в обряде отстранили, так как он был женат вторично¹⁹.

Скоро был заключен и мирный договор. После этого бояре от имени Ивана III потребовали, чтобы еще до брака Александр «дал свою грамоту утвержденую» о том, что московский великий князь «за меня дал дочерь свою Елену, и нам его дочери не нудити к римскому закону, дръжит свой греческой закон». Послы обещали, что такое обязательство будет выдано, и взяли список с подготовленного в Москве проекта.

В воскресенье был пир «сватовства деля». Послов одарили Иван III, его жена и дочь-невеста.

11 февраля литовские послы уехали.

В марте в Литву было послано московское посольство — бояре кн. В. Патрикеев и кн. С. Ряполовский для оформления мирного договора и для продолжения переговоров о сватовстве. Бояре по наказу (инструкции) должны были подтвердить факт обручения, поставить вопрос о выдаче Александром грамоты, гарантирующей сохранение Елены в будущем православия, и договориться о сроке отъезда невесты — «как по княжну быти»²⁰.

В апреле 1494 г. московские послы прибыли в Литву, в Вильню. На приеме у литовского великого князя 23 апреля (это был великий пост)

¹⁸ Сборник Русск. историч. общества, т. 35, стр. 122—123.

¹⁹ Там же, стр. 120—121.

²⁰ Там же, стр. 141.

бояре «говорили ему речь о сватовстве да и о грамоте, что о греческом законе; и поминки ему обручальные являли, и ели того дни у великого князя».

На прощальной аудиенции 28 апреля Александр в своей речи к русским послам, называя уже Ивана III своим «братом и тестем», выразил ему благодарность за то, что «дочку свою за нас дает».

В ноябре 1494 г. прибыло в Москву новое литовское посольство. Оно доставило гарантийную грамоту великого князя и предложило назначить отъезд княжны-невесты в Литву на Рождество. Послам отвечал сам отец невесты — Иван III. Он подтвердил получение требуемой грамоты, заявив, что теперь «хотим с великим князем Александром то дело делати и дочку свою за него дати». Срок ее отъезда был назначен на Рождество, чтобы она могла прибыть к Александру «за неделю до нашего до великого заговенья мясного».

В начале января 1495 г. в Москву прибыло из Литвы специальное посольство во главе с князем Александром Олышанским и Яном Забережским. Оно должно было принять и доставить невесту в Литву.

Литовский великий князь в своей верительной грамоте обращался к Ивану III, величая его «отец и тесть». Послы передали от жениха поклон и подарки всему семейству Ивана III.

В своей речи Иван III еще раз предупредил через литовских послов великого князя Александра, «брата и зятя нашего», чтобы в Литве соблюдали грамоту о вере Елены Ивановны, «и он бы нашу дочь, а свою великую княгиню, жаловал, дрѣжал бы ее так, как Бог указал мужем жены дрѣжати»²¹.

13 января после обедни Иван III отпустил дочь, которая уехала в «тапкане». До Дорогомилова ее провожали отец, мать и их старший сын Василий. Здесь Иван имел беседу с дочерью. Он передал Елене запись своей речи к литовским послам и, кроме того, дал ей письменную «Память»²².

Княжну сопровождали в Литву русское посольство и ее личная свита, всего 86 человек. Во главе посольства были с женами бояре князь С. Ряполовский, Михаил Яковлевич Русалкин, Прокофий Зиновьевич и дьяк Василий Кушенин.

Посольство должно было передать Александру поклон и вручить подарки от Ивана III и его семьи.

Правительство Ивана III добивалось того, чтобы литовская великая княгиня, а в скором будущем — и польская королева оставалась православной по вере и русокой по обычаям, одежде. Вот почему русское правительство уделило внимание и свадебному обряду, противопоставив великорусский обряд польско-литовскому, католическому.

В наказе русскому посольству указывалось, что следует добиваться брака в православной церкви, с участием православного духовенства, чтобы невеста встретила с женихом сразу же по приезде: «и поклон правити, и поминки явити, и речь говорити наперед венчания... А как в церкви ехати к венчанию, ино говорити, чтобы у венчания были княжне в здешних портах».

При первой встрече с женихом «ино из тапканы княжне выйти... А тогда ей быти в наряде (русском.— А. К.)... А взвелит (жених.— А. К.) пойти ей в свой воз, а не будет его матери, ино в его воз не ити, ехати ей в своей тапкане».

В Москве хорошо понимали, что это не обычный брак, что у литовцев есть свои обычаи, с которыми надо считаться. И поэтому при встрече с женихом — великим князем невеста, если он ее позовет, должна была бы выйти из тапканы к князю «и рука дати»²³; по приезде в Вильно —

²¹ Сборник Русск. историч. общества, т. 35, стр. 160—162.

²² Там же, стр. 163.

²³ Там же, стр. 166, 168, 169.

«послати ли от снохи» к матери Александра — «ино то князь велики ведает по своему обычаю, как у них пошлина»²⁴. Точно так надлежало провести и свадебный обряд по русскому обычаю, с соблюдением его только со стороны невесты.

Вскоре после отъезда Елены из Москвы в Литву был послан князь Ромодановский с женой, «чтоб им пожить там», а главное — передать княжне от отца следующее: «Дочка! Чтобы еси памятовала наш наказ, как есмя тебя наказовали о греческом законе да инных делех...»²⁵.

Донося о пребывании в Смоленске, послы отмечали: «А порты были на великой княжне по записи» (т. е. по данной им из Москвы инструкции)²⁶.

По дороге из Смоленска княжну встретили литовские паны и привезли «от великого князя воз великой княжне, воз оболочен скорлатом», чтобы в нем княжна продолжала путь до Вильно. «И великая княжна в воз (князя. — А. К.) не пошла, а велела бояром то им отговорити».

По дороге споры о месте венчания дошли до брани; их разрешил полученный вскоре от литовского великого князя приказ, «что ся ему с великою княжною венчати в римской церкви, а не в греческой»²⁷. При въезде в Вильно 15 февраля княжна снова отказалась перейти в «воз», присланный женихом. Литовский великий князь верхом на лошади встретил невесту за городом.

Невеста, а за ней боярыни вышли из тапканы и по постеленной на земле камке пошли навстречу князю. Князь «дал руку княжне, да и к собе ее принял, да и о здоровье выпросил, да великой княжне велел опять пойти в тапкану». Жених верхом на лошади сопровождал Елену до города. Тапкану невесты с левой стороны сопровождала пешком ее свита, а с правой — свита князя.

В Вильно княжна прежде всего отправилась в церковь, где ее встретил блюститель митрополичьего престола — местный архимандрит Макарий, а князь отправился «в свою божницу», в костел²⁸.

Тем временем в церкви отслужили молебен и после этого начали там же готовить невесту к венчанию. В этом помогали сопровождавшие ее из Москвы жены бояр — членов посольства. С этого-то момента донесение послов Ивану III сообщает уникальные известия о великорусском свадебном обряде, каким он выглядел в XV в.

Девичью косу Елены боярыни расплели и после этого начали расчесывать. «И великой княжне туто княгини Марья да Русалкина жена косу расплели, — читаем в донесении, — и голову чесали».

После этого из комплекта одежды, специально привезенной из Москвы, извлекли кикку, и «кику на нее положили».

Затем невесту «покровом покрыли, да и хмелем осыпали». В это время поп Фома, сопровождавший княжну, читал молитвы и благословил ее крестом.

Так выглядело приготовление невесты к венцу. Из русской церкви Елена «пошла к великому князю в его божницу»; перед невестой шел поп Фома с крестом в руках.

У костела великую княжну встретил католический епископ с крестом, но не благословил ее; затем он занял свое место в храме. Заняли свои места, приготовившись к венчанию, и жених с невестой. «А подо княжну послали бархат, которой было послати у тапканы под ноги, да на место положили сорочек соболей меншой». Все это тоже было привезено из Москвы.

²⁴ Сборник Русск. историч. общества, т. 35, стр. 171.

²⁵ Там же, стр. 173.

²⁶ Там же, стр. 183.

²⁷ Там же, стр. 184—185.

²⁸ Там же, стр. 185—186.

Тем временем поп Фома стал читать молитвы невесте, а епископ — жениху. Над невестой венец держала боярыня княгиня Марья, которая участвовала в подготовке Елены к венчанию. Тут же один из участников русского посольства держал вино в «склянице». Во время венчания поп Фома давал невесте пить вино, после чего «скляницу и растоптали».

Все это раздражило католического епископа и самого великого князя, которые тут же, прервав венчание, «о том побранили накрепко, чтобы поп Фома молитв не говорил, а княгиня Марья венца не держала».

Наконец, венчание окончилось. Из костела молодые отправились в дом жениха. При этом князь сначала ушел «к себе в тридню, а великая княжна пошла себе в иную горницу з боярынями»²⁹.

К великому князю пришли русские бояре. Они передали ему подарки и были приглашены к его столу.

На следующий день княгиня Елена была в бане. Ее муж не захотел побывать в бане, хотя русские бояре и настаивали на этом. «А мылني,— сообщали они,— у великого князя не было; и бояре ему то и являли и речь говорили». Когда Елена вернулась из бани, великий князь потребовал, чтобы ему предъявили «порты» (одежды) молодой княгини, в которых она была все время после венчания и пришла из бани. «А назаутрее,— доносили бояре,— князь велики боаром велел себе являти крест с чепью да и порты, которым было портом быти после венчанья да и после мылни»³⁰. Это дало, очевидно, возможность Александру заявить потом в речи к боярам, что «почестность ее милости ради видим». Что касается предъявления креста и цепи, то это были те предметы, которыми обменялись стороны в Москве при обручении.

После этого посольство еще несколько дней гостило в Вильно. Молодая княгиня продолжала ходить в русской одежде, о чем послы спустя четыре дня после свадьбы считали нужным донести в Москву. «А княжна великая,— писали они,— венчалася в своих портях, да и нынеча уже четвертой день после венчанья, а великая княжна таки ходит в своих портях да и в кике»³¹.

Так выглядела эта свадьба, состоявшаяся в феврале 1495 г. Через новое посольство, которое прибыло в Москву в мае 1495 г., великий князь Александр выразил благодарность Ивану III за то, что «дал еси за нас дочку свою княжну Алену, ..лино мы тебе, брату и тьстю нашему, ..велико дякуем»³².

Иван III в своем ответе упрекал «брата и зятя» в том, что он нарушил договоренность о венчании в церкви и пр.³³ Очень обидело Ивана и то, что его дочери в Литве все же запретили носить русскую одежду. «Да на нашу дочь,— говорил он,— велел положить свое платье, и наша дочи ему была челом, чтобы ей дал о том с нами обослатися, и он ей с нами обослатися не дал»³⁴. В августе 1495 г. все русские из свиты Елены были отозваны в Россию.

* * *

Надо сказать, что не случайно русские дипломаты в своих донесениях в Москву остановились на описанных выше моментах,— в представлении современных русских людей это был минимум обязательных норм национального свадебного обряда. О них следовало донести родителям, чтобы показать, что свадьба состоялась.

²⁹ Там же, стр. 186.

³⁰ Там же, стр. 187.

³¹ Там же.

³² Там же, стр. 189.

³³ Там же, стр. 191—192.

³⁴ Там же, стр. 192.

Итак, на основании сообщений о свадьбе княжны Елены Ивановны можно установить ряд элементов великорусского свадебного обряда XV в. (сватовство, стовор, роль отца и матери невесты в решении вопроса о выходе замуж, родительское благословение и обряд обручения, соблюдение требований в отношении поведения невесты до свадьбы, расплетание и расчесывание косы невесты, кика и русская одежда, покрывание невесты и обсыпание ее хмелем, церковное венчание с обрядом запивания вином, наконец, соблюдение обрядов, связанных с баней, и др.).

Вполне понятно, что при особых условиях выхода замуж княжны Елены, когда женихом был иноземец-католик, не могли быть полностью соблюдены все требования великорусского свадебного обряда того времени. Однако и в таком объеме их описание дает представление о великорусской свадебной обрядности, какой она сложилась к XV в. Ее основу составили прежде всего элементы древнерусского обряда, а также и такие элементы общерусского происхождения, как кика, и местного севернорусского, как баня после брачной ночи.

Можно думать, что в великорусском свадебном обряде основным признаком замужества стала кика. Это признавалось всеми классами русского общества до середины XVI в. Когда, например, в 1553 г. боярство отказывалось присягнуть царевичу Димитрию, сыну царицы Анастасии из рода Романовых, оно объясняло возвышение этого рода только «жикой», т. е. выходом замуж за Ивана IV представительницы этой фамилии³⁵. В XVI в., как и при Александре Невском, наряду с венчанием считался обязательным и в царском семействе народный свадебный обряд. В 1573 г., например, сообщив о том, что княжна Мария Владимировна была обвенчана с королем Магнусом, Пискаревская летопись особо отмечает: «а свадьба была в Новгороде»³⁶.

В это время господствующие социальные верхи еще не оторвались от народа и не стали так чужды ему, как это наблюдалось позже. Поэтому феодалы соблюдали народные обычаи, в том числе и свадебную обрядность, но считали для себя обязательным и церковное венчание; свадебный же обряд отличался лишь богатством и пышностью.

* * *

Свадебная обрядность великорусского народа продолжала развиваться, обогащаться, по крайней мере в отдельных ее элементах. В процессе складывания этнографических областей и групп возникли разновидности этой обрядности. Ведь и сама народность продолжала еще развиваться и внутренне укрепляться.

О развитии и обогащении великорусского свадебного обряда говорят имеющиеся в нашем распоряжении описания и других великорусских свадеб вплоть до XVII в. Таково, прежде всего, описание свадьбы другой дочери Ивана III с князем В. Холмским, состоявшейся в 1500 г.

«Урядить» свадьбу велено было по твердо установившемуся обычаю, сведения о котором шли еще со времени московского князя Симеона Ивановича Гордого (1340—1353 гг.). Свадебные записи московских князей к началу XVI в. сохранились не все. «Наряд» 1500 г. поэтому ссылается на старый обычай, «как велось изстари, при князе великом Симеоне Ивановиче, при великом князе Василье Васильевиче, при отце великого князя, а велел быть не поруша ни в чем». Судя по этой ссылке, свадебный обряд середины XIV в. не отличался от обряда, который был при Василии II Темном (1425—1462) и бытовал при Иване III (1462—1505). Вот почему

³⁵ ПСРЛ, т. XIII, стр. 237; С. В. Бахрушин, Научные труды, II, стр. 349.

³⁶ «Материалы по истории СССР», вып. 2, стр. 78.

«наряд» предписывал соблюдать свадебный обряд точно в соответствии с обычаем, «не поруша ни в чем»³⁷.

Указание данного источника на бытование свадебного обряда еще при Симеоне Гордом позволяет сделать вывод, что в основном этот обряд у великорусов сложился уже к середине XIV в. В «наряде» говорится о тысяцком, о дружках, о дружке «поддатном», о «поезде» и «поезданах» жениховых, о конюшом, которому «ездить на жеребце», о свешниках, фонарниках и коровайниках, о постели и др.³⁸

Мы располагаем подробным описанием свадьбы 1526 г., когда великий князь Василий Иванович женился на Елене Глинской. Это описание было опубликовано еще Н. И. Новиковым в «Древней Российской Вивлиофике», ч. XIII. И эту свадьбу велено было провести, «как изстари уряжено», «как прежде велось», «по обычаю», «по старому обычаю». В «наряде» ясно видны два обряда — церковный, связанный с венчанием, и свадебный народный, который начинался после церковного. В день свадьбы жених находился в «брусной избе столовой». В это время в «средней палате» были приготовлены места для жениха и невесты. На столе, покрытом скатертью, лежали калачи и соль. Невесту при выходе из хором в палату сопровождали жена тысяцкого, две свахи и боярыни; перед невестой бояре несли две овечи и коровай, на котором лежали деньги. Первой вошла в палату и заняла место невеста, затем уселись по местам и сопровождавшие ее лица. После этого послали за женихом. Раньше пришел младший брат жениха, который проверил, все ли в порядке в палате, а затем послал сказать жениху: «Время тебе государю идти к своему делу»³⁹.

Жених из брусной избы вошел в палату в сопровождении тысяцкого, бояр и всего «поезда». Он поклонился иконам и сел на приготовленное место рядом с невестой.

Когда священник стал читать молитву, жена тысяцкого начала расчесывать головы жениху и невесте, затем зажгли свечи молодых и, надев на эти свечи обручи, обернули их в соболя.

Закончив расчесывание волос, жена тысяцкого надела на голову невесты кику и, набросив на нее покров («фату навесив»), стала осыпать жениха и невесту хмелем и опаживать соболями. «А снарядить осыпало на мисе золотой; а на мисе перво хмелю всыпати в три угла, в трех местах, да в три ж места положить тридевять соболей, на место по 9 соболей, да тридевять платков..., да на тех же местех положить по 9 меньших пенязей. Таковую ж мису нарядить к постеле».

Дружка жениха резал перепёчу и сыры, кормил молодых и гостей, а дружка невесты раздавал ширинки. Только после этого жених, а затем и невеста отправились в церковь венчаться; перед санями невесты несли свечи и короваи. Жениха сопровождали его братья, тысяцкий, бояре и весь «поезд». С невестой ехали в санях жена тысяцкого и свахи большие; меньшие свахи ехали в «опричных санях». На освободившиеся в палате места жениха и невесты положили три сорока соболей.

Во время венчания молодые стояли на камке, под которую положили сорок соболей. Когда жених и невеста выпили вино, князь, допивши, бросил скляницу о землю и растоптал ногою; осколки стекла потом бросили в реку, «как прежде велось».

После венчания митрополит и другие поздравляли молодых в церкви же. Затем Василий посетил монастыри и другие церкви в Кремле, а княгиня вернулась в свои хоромы. Тем временем те, «кому довелось держать

³⁷ И. Сахаров, Сказания русского народа о семейной жизни своих предков, ч. III, кн. 2, СПб., 1837, Дополнения, стр. 20.

³⁸ С. М. Соловьев, История России, кн. I, стр. 1510; «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2, М., 1790, ч. XIII, стр. 1—5; А. Терещенко, Указ. соч., стр. 48—49; И. Сахаров, Сказания русского народа..., ч. III, кн. 2, Дополнения, стр. 20.

³⁹ С. М. Соловьев, История России, кн. I, стр. 1676—1677; И. Сахаров, Сказания русского народа..., ч. III, кн. 2, стр. 160.

свечи и короваи», должны были заняться устройством «сенника постельного». Вернувшись, Василий сел с княгиней и гостями за стол. Показательно, что во время свадебного пира всякое местничество было запрещено. Начался пир. Перед Василием и Еленой была поставлена печеная курица, которую больший дружка «с блюдом, с калачем, с солонкою», завернув в скатерть, отнес к постели молодых.

Постель была приготовлена «по обычаю», «как завелось изстари», на 27 ржаных снопах. У постели в головах стояла кадка с пшеницей, а в ней свечи и короваи: «а свечи и короваи несут к постели, а поставят короваи и свечи вместо обе в одну кадью... во пшеницу у постели в головах...; а сенник постельной оболоча внутри запонами, да по четырем углам воткнутся стрелы, а на них по сороку соболей... да по калачу; а на лавках по углам же поставити по оловенику меду». Короваяи, по указанию боярынь, следовало класть «со шлейками на носило». Показательна ссылка на «обычай», специально подчеркивающая необходимость приготовить брачную постель обязательно на снопах. «А постелю слати в сеннику на снопове арженом по обычаю, вшед в сенник по правой стороне. А послать под постелю тридевять снопов...».

В сеннике были развешены иконы богородицы с младенцем, рождества Христова и рождества богородицы. На дверях «изнутри и с надворья, также и над окны в сеннике кресты поставити».

Взяв княгиню за руку, князь в сопровождении тысяцкого, дружек, свах, со всеми теми, «кому довелось княгиню выдавать», пошел «к постеле». У дверей сенника все чины со стороны княгини «туто будет выдавать и говорить речи»⁴⁰.

Когда князь с княгиней подошли к постели, жена тысяцкого, надев на себя две шубы, из которых одна была наизнанку, стала осыпать новобрачных хмелем. В это время свахи и дружки, развернув скатерть, кормили молодых курицей. Когда курица была съедена, князь велел всем уйти; молодые остались одни. Пока молодые были в постели, конюший с саблей всю ночь ездил вокруг подклети. Утром те, кому велел князь, «вскрыли» княгиню (сняли с нее покров). Затем князь и княгиня были в мыльне, после чего их у постели же кормили кашей⁴¹.

Это описание свадьбы 1526 г. позволяет нам представить себе с большой полнотой великорусский свадебный обряд, каким он сложился еще в середине XIV в., при московском князе Симеоне Ивановиче Гордом, на что прямо указывает наш источник. В этом — особая ценность данного описания.

В описании свадьбы младшего брата Василия — князя Андрея (1533) говорится, что, когда невеста шла в среднюю палату, «перед нею шли плясицы, а за плясцами шли дети боярские, а за детьми боярскими шел священник со крестом, а за попом шли со свечами и с короваями». К этой свадьбе специально перестраивали двор жениха. В описании упоминаются «брусяная изба», «средняя палата». «На завтрее, — сообщает описание, — как был князь в мыльне, и князь великий посылал к нему свое жалованье, платье, а княгиню ево вскрыти послал князь великий боярина своего...»⁴². В описании этой свадьбы, как и в предыдущей, тоже фигурируют тысяцкий, дружки, свахи, поезжане и вообще совпадают все элементы обряда, которые описаны в свадьбе 1526 г. Великая княгиня расчесывала головы жениху и невесте, при этом свахи держали чару с вином и гребень. Хмелем новобрачных осыпала и дарила ширинки тоже великая княгиня. Жениха благословлял великий князь. Впервые упоминаются перстни золотые при обручении в церкви. Вино новобрачные пили после венчания, сидя; при этом, как и ранее, жених растоптал скляницу. Новобрачных осыпала хмелем сваха и перед постелью.

⁴⁰ И. Сахаров, Сказания русского народа..., ч. III, кн. 2, стр. 34.

⁴¹ «Древняя Русская Вивлиофика», ч. XIII, стр. 8, 11, 12.

⁴² Там же, стр. 21.

* * *

Эти описания значительно расширяют наши представления о великорусском свадебном обряде в первой половине XVI в. Надо особо отметить также проповеди митрополита Даниила (заточен был в 1539 г., но писал и позже), в которых приводится материал о свадебном обряде, конечно, с резким осуждением всего народного, выходящего за рамки церковного брака⁴³.

Нетрудно заметить органическую связь между всеми этими описаниями и Домостроем. В так называемом Архивском списке Домостроя приведена одна глава — 90-я — под заглавием «Указ свадебному чину». В другом, Забелинском списке Домостроя⁴⁴ в 67-й главе приведены описания пяти вариантов «Чинов свадебных как князю молодому жени- тися».

Уже окончательно сложилась и терминология великорусского свадебного обряда, в частности термин «приданое», а также номенклатура и функции таких свадебных чинов, как князь и княгиня, тысяцкий, старшие и младшие дружки, свахи, бояре и боярыни, поезжане. Прочно установился круг предметов, обязательных для проведения свадьбы (снопы, хмель, свадебная пища — курица, каша и др.).

Мне кажется, что можно, хотя бы примерно, датировать появление некоторых элементов в этом обряде и, наконец, обобщив наблюдения, выяснить процесс складывания этого обряда в целом.

Взять, например, чин тысяцкого. Этот чин, конечно, заимствован из административной жизни. Известно, что он существовал на Руси с X в. Однако вначале он не имел еще широкого распространения. Видное место в административной жизни Руси он занимает в XI—XIII вв. В XIV в., при Дмитрии Донском, этот чин был упразднен в Москве, а в конце XV в. — в Новгороде.

Тысяцкий — чин, свойственный свадебному обряду всех трех восточнославянских народов. Значит, он введен был в обряд еще в эпоху древнерусской народности, т. е. до конца XIII в. Не следует ли искать переход этого термина в народный быт именно в XII—XIII вв.?

Конечно, это вопрос особый, требующий отдельного, притом комплексного исследования в сочетании с другими элементами обряда.

* * *

Во второй половине XVI и отчасти в XVII в., как видно из описаний царских свадеб, великорусский свадебный обряд продолжал соблюдаться и в высших слоях общества. Так, Иван IV в 1547 г. сохранил тот же свадебный чин, «как было и при свадьбе отца его». Полностью соблюден был этот обряд и в 1550 г. на свадьбе князя Владимира Андреевича Старицкого. В описании особо отмечались «плясицы».

Точно так же полностью соблюдался свадебный обряд и в 1554 г. на свадьбе царя Симеона Бекбулатовича. В постель молодых укладывали дружки и свахи. Через некоторое время они наведались к молодым. На утро к молодым пришли снова дружки и свахи, напомнили об обрядовой бане. После бани молодые пошли в «подклет, да сели на постели», стали есть, после чего послали дружек невесты с кашей к Ивану IV, к его жене и другим. За этим последовали взаимные подарки, и три дня «ели хлеб» — на второй день у Симеона, а на третий — у Ивана IV, посаженного отца. На пиру присутствовали и свахи — «бóльшие и меньшие», «боярыни сенные», тысяцкий и все дружки.

⁴³ «Чтения в Обществе истории и древностей российских», М., 1881, кн. 2.

⁴⁴ «Домострой по списку Общества истории и древностей российских», М., 1882

В описании свадьбы князя Ивана Дмитриевича Бельского (1555 г.), как и второго брака князя Владимира Андреевича Старицкого (1558 г.), видим повторение того же обряда полностью, со всеми подробностями. Повторяется обряд и в описании третьей свадьбы Ивана IV (1572 г.) и седьмой (1581 г.). Очень напоминает описанную нами выше свадьбу 1495 г. в Вильно великой княжны Елены Ивановны и литовского князя Александра также свадьба короля Магнуса с княжной М. В. Старицкой (1573 г.).

При первом и втором браках Михаила Романова (1625 и 1626 гг.) народный свадебный обряд еще в полной мере соблюдался. Как и раньше, продолжали относиться с большим вниманием к деталям обряда. Так, не раз подчеркивалась необходимость «беречь пути, чтобы никто не переходил» дорогу молодым. Во дворце «играли в сурмы и в трубы, и били по накрам». Однако Михаил уже не стал разбивать скляницу после венчания; явно усилились церковные элементы в обряде — часто кропили молодых «святой водой», перед расчесыванием головы и покрыванием невесты протопоп читал специальную молитву и т. п.

Царь Алексей Михайлович на своей свадьбе в 1648 г. в основном тоже соблюдал народный обряд, однако он допустил уже существенное отступление. Описание этой свадьбы прямо указывает, что «на прежних Государских радостях», когда жених был в бане, весь день и ночь «на дворце играли в сурны, в трубы, и били по накрам». На этот раз царь «вместо труб, и органов, и всяких свадебных потех» ввел церковное пение «со всяким благочинием»⁴⁵.

Народ создал много песен, которыми сопровождалась определенные элементы свадебного обряда (расплетание косы, увод невесты и т. п.)⁴⁶. Эти песни, а также музыка и танцы как бы расцвечивали народный свадебный обряд. Вместе с тем многое в поэтике свадебных песен доказывает, что и в основе великорусских народных обрядовых песен тоже лежали произведения древнерусского народа.

Наряду с развитием и обогащением всех элементов обряда венчание еще не вошло прочно в народный быт. Борясь все более настойчиво за внедрение церковного брака, особенно со второй половины XVII в., церковь, еще решительнее осуждала свадебную обрядность, которая продолжала твердо занимать свое место в семейном быту русского народа.

Приказный Посольского приказа Гр. Котошихин в своем описании свадебного чина не упоминает о ряде деталей (например, об осыпании хмелем, о растаптывании стеклянного кубка во время венчания и др.); наряду с этим автор сообщает о новых деталях, связанных с официальной религией, которых не было в обряде раньше (в чине родительского благословения и др.). Гр. Котошихин с большой тщательностью описал свадебный обряд в царской семье (гл. I) и в то же время значительно беднее осветил его в отношении «иных чинов людей» (гл. XIII). Народные массы в это время продолжали придерживаться своего национального свадебного обряда, многое из которого к концу XVII в. уже не входило в чин царской свадьбы. Церковь со второй половины XVII в. усиливает борьбу против народных элементов этого обряда⁴⁷. В 1649 г. правительство царя Алексея Михайловича в специальном указе объявляет войну таким «сблудам», как «бесовские песни», «сказки небылые», всякие «позорища». Народный свадебный обряд в это время был очень богат такими «позорищами». «Да в городах же и у уездных людей у многих,— говорится в царском указе,— бывают на свадьбах всякие безчинники и сквернослов-

⁴⁵ И. Сахаров, Сказания русского народа..., ч. III, кн. 2, стр. 158 и др.

⁴⁶ О «невестинских» плачах еще в XV в. говорил Епифаний Премудрый. См. «Житие св. Стефана, первого епископа Пермского, написанное Епифанием Премудрым», СПб., 1897, стр. 96.

⁴⁷ «О России в царствование Алексея Михайловича», Соч. Гр. Котошихина, изд. 2. СПб., 1859.

цы и скоморохи, со всякими бесовскими игры, и уклоняются православные христиане к бесовским прелестям и ко пьянству, а отцов духовных и по приходам попов и учительных людей наказания не слушают, и за наказание отцом духовным и приходским попом и учительным людям поругание и укоризну и бесчестье и налог делают». Указ предписывал виновников «бесчинств» «бить батоги», а «всякие гудебные бесовские сосуды, то все велеть вынимать и, изломав, те бесовские игры велеть жечь»⁴⁸. Однако господствующий класс был бессилен в борьбе против созданного народом обряда.

Здесь стоит привести описание народного обряда по Троицкой рукописи второй половины XVII в., в свое время опубликованное Ф. И. Буслаевым. Вот сокращенный текст этого описания.

«Се слышим некое небогоугодное дело, наипаче же мерзко и стыдно, яже творять христиане, от диавола научени суще.

Егда же убо у них брак совершается и готовлена храмина бывает, жениху с невестою, идеже ложу быти, и постилают под них класы, рекше снопове с зернами...

Как приидет жених по невесту и свахи жениха с невестою вместе за навесом сажают, и с невесты снем шапку на жениха надевают, а мужскую шапку на невесту; и свечами со огнем волхвуют круг главы с четырех стран, и трижды к главе притыкают и в зеркало смотреть велют.

Да у того же жениха те же свахи гребнем голову чешут; да и иные вражьи есть затей: круг стола всем поездом ходят; а как крутят невесту и покроют ее пеленою и учнут хмелем осыпати.

А как приидет жених с невестою и с поездом своим, так бабу поставят на кадь и облекут на нее шубу выворотя... и станет та баба всех людей хмелем осыпать и в то время все шапки подставляють.

Да от венчания жених приходит с невестою на подклеть, а не за стол, как не во истинных крестьянх ведется, по христианскому обычаю, а не по странному сему деянию.

И тамо принесут им курицу жареную, и жених возьмет за ногу, а невеста за другую, и учнут тянути ее разное, и приговаривают скверно, еже несть мочно и писанию вдати. Тако враг научил действовать старых колдунов, баб и мужиков, и жених с невестою, по их научению, и неволею тако творят, и яди той зело ругаютца. Да еще к ним приносят тут же на подклеть каши, и они кашу черпают и за себя мечут. Все тое есть бесовское действо...»⁴⁹.

Как видим, для автора второй половины XVII в. национальный свадебный обряд уже стал «бесовским действием», о котором «странно не токмо рещи, но и помыслити».

* * *

С XIV в., с образованием великорусской народности, на основе древнерусских бытовых норм у великорусов сложился и начал развиваться национальный свадебный обряд. До середины XVII в. этот обряд оставался бытовой нормой для всего русского народа.

Со второй половины XVII в. в России в результате социально-экономического развития и обострения классовой борьбы феодалы обособляются и в бытовом отношении от остальной массы народа. Используя государственную власть и церковь, они начинают все более враждебно относиться к разным бытовым национальным обычаям, в частности и к великорусскому национальному свадебному обряду. Народные же массы, развивая и обогащая свою духовную культуру, продолжали в то же время сохранять и древние традиции, в том числе и свадебную обрядность.

⁴⁸ Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией, СПб., 1842, стр. 124—125.

⁴⁹ Ф. Буслаев, Исторические очерки русской народной словесности и искусства, т. I, Эпическая поэзия, СПб., 1861, стр. 46—47.